

УДК 94(476)"1921/1939"

**МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ БЕЛОРУСОВ И ПОЛЯКОВ
В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ В 1921–1939 гг.**

Н.А. Маркелов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, 119991, Россия*

Аннотация

В статье рассматривается специфика межэтнического взаимодействия поляков и белорусов в 1921–1939 гг. в Западной Белоруссии, отошедшей к Польше по Рижскому мирному договору 1921 г. Описаны особенности формирования новой государственной идентичности белорусов, проживающих в этом фронтирном регионе. Для анализа выбраны следующие сферы: национальная политика, образование и религиозная жизнь. Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что для данной территории важное значение имел условный центр, в роли которого вне зависимости от государственной принадлежности выступало русское культурно-государственное пространство, включающее Российскую империю и Советский Союз. Вместе с тем фронтирные черты региона, проявившиеся в период его нахождения в составе польского государства, придали особый вес региональной идентичности, которая, как правило, игнорировалась центральными властями, стремящимися к внутреннему колониализму. Следствиями такого положения стали неудачи в политике полонизации, с одной стороны, и трудности интеграции этой территории в советскую административную систему – с другой.

Ключевые слова: Белоруссия, Польша, идентичность, межнациональные отношения, фронтир, диалог культур

Вопросы о способах мирного сосуществования и конструктивного диалога представителей различных народов и, шире, полиэтнической идентичности являются сегодня одними из важнейших. Исторический опыт решения подобных проблем в приграничных регионах позволяет предложить ряд успешных стратегий, а также выявить модели, которые не принесли положительного результата или негативно сказались на характере межэтнических отношений. Более того, как пишет В.А. Колосов, «в новых условиях вследствие растущей “перемешанности” разных этнических и иных групп идентичность людей глубоко модифицируется. Всё больше людей имеют сложные идентичности, ассоциируя себя с двумя или несколькими этнокультурными группами. Усиливаются культурно-языковые, религиозные, социально-профессиональные идентичности, которые не всегда чётко связаны с конкретной территорией. Это ведёт к относительному ослаблению государственной идентичности, так как люди

стремятся отождествлять себя с конкретным местом жительства – населённым пунктом, муниципалитетом, районом, чтобы отгородиться от “чужих” (мигрантов, бедных, людей иной веры и т. п.) жёсткими административными барьерами» [1, с. 51].

Западная Белоруссия в первой половине XX в. испытала ряд социальных, политических и экономических кризисов, которые всякий раз приводили к изменению доминирующего культурного центра и влияли на взаимоотношения проживающих там поляков и белорусов. На протяжении указанного периода различные государства неоднократно предпринимали попытки присвоить данную территорию, навязав свои нормы взаимодействия. В этой связи актуальным представляется рассмотрение названного региона в качестве фронтального.

Изначально термин «фронт» был введён в научный оборот Ф.Дж. Тернером в контексте специфических процессов, происходивших во время освоения Северной Америки (см. [2]). Однако сегодня методология фронтальных исследований успешно применяется к анализу различных территорий, характерной особенностью которых является резкое изменение статуса и, следовательно, характера межэтнических отношений (см. [3]). Важнейшее условие образования фронтальной ситуации – возникновение феномена «подвижной границы» в области контакта цивилизаций [4, с. 47]. По наблюдению Н.Ю. Замятиной, «фронт – это зона неустойчивого равновесия», «внутренняя колония» [5, с. 76], иными словами, пространство, которое необходимо освоить. В риторике польского правительства межвоенного периода новые территории, прежде входившие в состав Российской империи (Западная Украина и Западная Белоруссия¹), воспринимались в качестве варварских; они, по формулировке Ф.Дж. Тернера, стали «точкой встречи дикости и цивилизации» [2, р. 18]. Именно «цивилизаторская миссия» [6, с. 87] оправдывала господство на них Польской Республики, известной также как Вторая Речь Посполитая, – государства, получившего независимость в 1918 г. и просуществовавшего до 1939 г. При этом цивилизаторский подход на практике обернулся политикой узкого национализма, насаждения на присоединённых землях польского языка, католичества и землевладения [7, р. 99–102].

Между тем в середине XX в. возникают предпосылки для переосмысления теории государства, которое уже не воспринимается как единое и неделимое целое, начинает учитываться роль регионов в формировании моделей его идентичности, что не было характерно для предшествующей эпохи. Так, описывая польское восстание 1863–1864 гг., император Александр II заметил: «...Попытка была сделана около Белостока, в пределах даже Империи. Но и после сих новых злодейств я не хочу обвинять в том весь народ польский, но вижу во всех этих трудных событиях работу революционной партии, стремящейся повсюду к ниспровержению законного порядка» (цит. по [8, с. 117]). Установленный порядок, как видим, считался сакральным, неизменным и естественным, где «пределы Империи» – пространство господства определённого мировидения с системой ценностей и норм, единой для всех граждан страны. Здесь отсутствует понимание

¹ Отошли к Польше на основании Рижского мирного договора, завершившего советско-польскую войну 1919–1921 гг.

того, как влияют межэтнические отношения на развитие регионов. Данную модель наследует Вторая Речь Посполитая в 20-х – 30-х годах XX в.

Воспринимая новообретённую независимость как первый шаг к возрождению великой Речи Посполитой «от моря до моря»², польское правительство того времени не рассматривало фактор этнического многообразия страны в качестве значимого. Напротив, в Варшаве были уверены, что «обязательным условием сохранения существующих границ является превращение государственной территории Речи Посполитой в польскую национальную территорию» [9, s. 108], – именно так сформулировал проблему этнического многообразия Станислав Грабский, который в 1923 и 1925–1926 гг. занимал должность министра религии и образования. Таким образом, ставилась задача не столько сформировать новую государственную идентичность у белорусов, проживающих в восточных воеводствах, сколько полонизировать их, лишить самобытного характера и традиций.

Подобная политика полонизации основывалась на восприятии региона как части некогда великой Речи Посполитой, утраченной в XVIII в. Правительство и польская интеллигенция были едины в оценке приобретённых территорий, считая, что «договором 1921 года восстановлена историческая справедливость и государство вернуло земли, отторгнутые от него незаконным путём» [6, с. 87]. Как отмечает Н.Д. Постников, «поляки всегда считали Украину, Белоруссию, Литву и даже Латвию частью своего государственного и культурно-исторического наследия, зоной своих естественных геополитических притязаний и интересов» [10, с. 20]. Несмотря на обязательство предоставить основные права национальным меньшинствам, проживающим в Западной Белоруссии, этноцентрическое польское правительство не реализовало этих гарантий. Факт многовековой принадлежности региона к другому центру не принимался им во внимание. Более того, даже небольшие уступки в отношении прав национальных меньшинств вызывали резкую критику польской интеллигенции [11, с. 7]. В этом плане показательны слова генерала Ярнушкевича, командовавшего польскими войсками на территории восточных воеводств. Он полагал, что «польская культура должна главенствовать в северо-восточных землях. Только она в течение веков оставила здесь крепкие памятники, а Московия – это только налёт» [12, с. 158]. Подобное отрицание культуры значительной части населения региона неизбежно вело к межэтническому конфликту.

Формально белорусам, проживающим в восточных воеводствах, гарантировались права на использование национального языка и свободное соблюдение религиозных обрядов. Но оба этих пункта не были воплощены на практике. Использование национального языка, который зачастую называли русским, всячески осложнялось. Так, в «Ноте Наркоминдела БССР Министерству иностранных дел Польши о нарушении мирного договора польскими властями по отношению к населению Западной Белоруссии» зафиксированы следующие эпизоды:

² Polska od morza do morza” – польский националистический лозунг, подразумевающий, что федерация народов под управлением Польши должна распространяться от Балтийского до Чёрного моря.

- «в д. Малая Берестовица Гродненской губ. ...избили половину крестьян, а 16 арестовали» за составление приговоров об открытии белорусских школ [12, с. 37];
- белорусам запретили «сноситься с учреждениями на белорусском языке» [12, с. 37];
- закрыты «возникшие ранее кооперативы за ведение книг и делопроизводства не по-польски, а по-белорусски» [12, с. 37];
- «польские местные власти препятствуют рассылке белорусских газет, забирают их на почте. Читающие эти газеты считаются большевиками. У них производятся обыски и им грозят арестами за чтение белорусских газет» [12, с. 38].

Помимо фактического запрета на открытие (или же воссоздание после Первой мировой войны) белорусских школ, предпринимались меры по ликвидации существующих. Так, белорусским учителям усложняли процесс принятия польского подданства, необходимого для работы в учебных заведениях [13, с. 152]. Это было частью национальной политики, в соответствии с которой «не может быть и речи о том, чтобы в течение ближайших 10 лет учителем на Полесье был белорус или даже местный полешук. Учитель-полешук православного вероисповедания чаще всего русифицирует местное население, вместо активной учительской деятельности для пользы Польши» [12, с. 154]. Одновременно с профилактическим закрытием белорусских библиотек запрещалось обучение без напечатанных учебников [14, с. 105]. В результате этих действий, как отмечает А.А. Микуленок, «к 1925 г. число русских школ в Польше уменьшилось на 35%» [14, с. 106]. Демонстративное исключение составляли школы для русских эмигрантов, которые не только открывались в рассматриваемый период, но и получали правительственные субсидии. Однако дети местного населения не имели права на обучение в подобных учебных заведениях. Отметим также, что польские власти препятствовали размещению русских эмигрантов на территории Западной Белоруссии [15, с. 66].

Право национальных меньшинств на свободное соблюдение религиозных обрядов тоже было нарушено польскими властями. Генерал Ярнушкевич, выражая господствовавшие в среде сторонников новой политики настроения, заявлял: «Недостаточно того, чтобы кто-то считает себя поляком и остаётся православным. ...Синоним польского – это католицизм, об этом следует постоянно помнить» [12, с. 158]. Воевода Киртиклис, говоря о белорусах в восточных польских землях, привёл такое выражение: «Если бы был приказ, то перешли бы и в католицизм» [12, с. 163]. Но справедливость этого утверждения сомнительна, поскольку один из крупнейших городов этого региона, Белосток, – «бесспорная столица православия в современной Польше» [16, с. 79]. Белорусы защищали свои православные храмы даже с оружием в руках, что нашло отражение в судебной практике того времени (см. [17]). Как правило, их осуждали на короткие сроки за неповиновение властям. Между тем зафиксирован случай, когда «судья решил, что т. к. власти незаконно начали разборку церквей, то и никакого сопротивления им при исполнении служебных обязанностей не было – и подсудимых оправдал» [17, с. 192].

Проблема православной церкви на территории Западной Белоруссии усугублялась её исторической подчинённостью Московскому патриархату, что не могло

не беспокоить польское правительство, даже в условиях религиозного гонения в Советской России. Православная церковь была символом принадлежности к империи, напоминала о прежних временах относительного благоденствия, способствовала консолидации белорусов, тем самым создавая угрозу польскому национальному единству. Поэтому религиозная жизнь стала неразрывно связываться с полонизацией. Например, «некогда униатские, а более ста лет православные церкви... были превращены в католические костёлы и целые деревни стали польскими» [18, с. 268]. Замена православного храма костёлом позволяла, по крайней мере на уровне статистических данных, трансформировать этническую принадлежность населённого пункта. С этой же целью изменялись городские границы за счёт включения окрестных польских деревень, увеличивавших процент поляков среди населения [19, с. 83].

Подобные меры, призванные продемонстрировать преобладание поляков и национальное единство если не фактически, то хотя бы на уровне официальной статистики, привели к возникновению в регионе напряжённой ситуации. Причём отношения усложнились не только между проживавшими там поляками и белорусами, но и между местным и пришлым польским населением (осадниками). Если «размещённый в этих округах польский солдат, по преимуществу из центральной Польши смотрит на них [западные украинские и белорусские земли] как на завоёванные “его кровью” “варварские” страны, с населением которых стесняться вовсе не следует» [12, с. 56], то и население не испытывает потребности в формировании соответствующей государственной идентичности. Более того, «зарплата на “восточных крессах” для русскоязычного населения была в два раза меньше, чем для поляков, работавших на тех же должностях» [20, с. 112], а получить правоустанавливающие документы, отсутствие которых грозило высылкой в Советскую Россию, было значительно сложнее.

Бесправное положение белорусов в восточных воеводствах проявилось, в частности, на выборах 1935 г. Так, исследователями зафиксированы многочисленные злоупотребления местных властей и даже откровенные фальсификации результатов выборов в Западной Белоруссии с целью закрепления административных должностей за осадниками как истинными носителями польского духа и национальной идеи [21]. Всё это стало причиной серьёзного недоверия местного населения к польским властям и затруднило формирование новой государственной идентичности. Из-за интенсивного процесса полонизации, проводимого без учёта интересов других этнических групп, в 1939 г. регион сравнительно легко перешёл в состав Советской России. Красную Армию белорусы встречали в основном с большим оптимизмом, воспринимая новый порядок как возможность реализации национальной культуры.

Таким образом, в начале XX в. доминирующим центром в Западной Белоруссии оставалась Российская империя. Межэтнические отношения белорусов и поляков в этот период были сравнительно доброжелательными, поскольку строились в контексте провинциального положения региона, под которым понимается «полноценное культурное бытие; это культура телесная, ландшафтная и пронизывающая быт» [22, с. 80]. За полтора столетия мирного сосуществования поляки и белорусы смогли наладить конструктивное взаимодействие. Однако в 1921 г. происходит разрушение модели государственной идентичности, и положение

гегемона закрепляется за Польшей. Националистическая и этноцентричная политика Второй Речи Посполитой в отношении восточных регионов потерпела поражение. Даже к 30-м годам XX в. у населения Западной Белоруссии не была сформирована новая государственная идентичность. Это отразилось, в частности, в том, что многие жители региона при переписи населения указывали свою принадлежность к группе «тутэйшых», то есть «местных», не смея называть себя белорусами и не желая быть причисленными к полякам [23].

Основываясь на результатах проведённого исследования, можно заключить: методы насильственного формирования государственной идентичности в Западной Белоруссии успеха не имели. Полонизация присвоенных территорий показала впечатляющие результаты главным образом на уровне статистических отчётов, на практике же привела к возникновению напряжённости в межэтнических отношениях. Как следствие, белорусы, составлявшие значительную часть населения региона, отказались от участия в общественной и политической жизни страны. Итог подобной национальной политики имел отрицательные последствия для государства: в 1939 г. Западная Белоруссия вошла в состав Советской России с минимальными потрясениями для исконного местного населения. Самодостаточная белорусская культура успешно противостояла агрессивной культуре центра; при этом, получив возможности мирной реализации собственных культурных парадигм, белорусы ими воспользовались.

Литература

1. *Колосов В.А.* Теоретическая лимология: новые подходы // *Международ. процессы.* – 2003. – Т. 1, № 3. – С. 44–59.
2. *America's Frontier Story. A Documentary History of Westward Expansion* / Ed. M. Ridge, R.A. Billington. – N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1969. – 657 p.
3. *Баева Л.В.* Типология и проблемы изучения Южно-Российского фронта // *Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 7: Философия. Социология и социальные технологии.* – 2014. – № 2. – С. 32–38.
4. *Басалаева И.П.* Критерии фронта: к постановке проблемы // *Теория и практика общественного развития.* – 2012. – № 2. – С. 46–49.
5. *Замятина Н.Ю.* Зона освоения (фронт) и её образ в американской и русской культурах // *Общественные науки и современность.* – 1998. – № 5. – С. 75–89.
6. *Заец С.В., Качиньский А.* Польский взгляд на отношения с Россией // *Вестн. Евразии.* – 2008. – № 1. – С. 75–111.
7. *Brubaker R.* Nationalism reframed. Nationhood and the national question in the New Europe. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1996. – 216 p.
8. *Широкопад А.Б.* Польша. Непримируемое соседство. – М.: Вече, 2011. – 448 с.
9. *Tomaszewski J.* Kresy Wschodnie w polskiej mysli politycznej XIX i XX w. // *Miedzy Polska etniczna a historyczna. Polska mysl polityczna XIX i XX wieku.* – Warszawa: Zaklad Narodowy im. Ossolinskich, 1988. – Т. 6. – S. 101–150.
10. *Постников Н.Д.* Этноцентризм как исторический императив Польши в отношении с восточными соседями // *Вестн. Ассоциации вузов туризма и сервиса.* – 2009. – № 3. – С. 16–25.

11. *Гуцин А.В.* Польша и защита национальных меньшинств по международному и внутреннему праву 1919–1934 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2003. – 187 с.
12. Польша – Беларусь (1921–1953): Сб. док. и материалов / Сост.: А.Н. Вабищевич. – Минск: Беларус. навука, 2012. – 422 с.
13. *Сокольников Д.М.* Польша // Русский учитель в эмиграции: Сб. ст. – Прага, 1926. – С. 150–157.
14. *Микуленок А.А.* Проблема русской национальной школы в Польше в 1920-е гг. // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 15 – С. 105–109.
15. *Микуленок А.А.* Проблема урегулирования правового положения российских эмигрантов в Польше в 1920-е гг. // Ист. и соц.-образоват. мысль. – 2015. – № 6-2. – С. 64–69.
16. *Федюкина Е.В.* Православная традиция в Польше: история и современность // Вестн. славян. культур. – 2016. – № 2 – С. 79–93.
17. *Петров И.В.* История православных приходов межвоенной Польши в показаниях литовского священника Евгения Насекайло // Тр. Ист. фак. С.-Петерб. ун-та. – 2013. – № 14. – С. 189–202.
18. *Наленч Д., Наленч Т.* Юзеф Пилсудский. Легенды и факты. – М: Изд-во полит. лит., 1990. – 400 с.
19. *Даркович А.Л.* Городское самоуправление на западнобелорусских землях межвоенной Польши: 1919–1939 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2016. – 310 с.
20. *Микуленок А.А.* Особенности положения русскоязычного населения на «Восточных кресах» в 1920–1930-е гг. // Общество: философия, история, культура. – 2015. – № 6. – С. 112–114.
21. *Ким И.К.* Санационные власти в Парламентских выборах 1935 года в Польше // Славяноведение. – 2011. – № 5. – С. 3–13.
22. *Каганский В.Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сб. ст. – М.: Нов. лит. обозрение, 2001. – 576 с.
23. *Сильванович С.А.* Польское население северо-восточных (западнобелорусских) земель II Речи Посполитой в межвоенный период // Гуманит. науч. исследования. – 2014. – № 11. – URL: <http://human.snauka.ru/2014/11/8044>, свободный.

Поступила в редакцию
05.06.17

Маркелов Никита Алексеевич, соискатель

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
ул. Ленинские горы, д. 1, г. Москва, 119991, Россия
E-mail: nick@balkan.ru

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI

(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2017, vol. 159, no. 4, pp. 1019–1027

**Interethnic Relations between Belarusians and Poles
under the Conditions of the New State Identity Development in 1921–1939***N.A. Markelov**Moscow State University, Moscow, 119991 Russia*E-mail: *nick@balkan.ru*

Received June 5, 2017

Abstract

The paper is focused on the specifics of interethnic interaction of Belarusian and Polish communities in Western Belarus during 1921–1939. The subject of the analysis is the specific character of the state identity development under the conditions of the frontier region and its influence on the coresidence of the two main ethnic groups representing different cultural/civilizational areas (“the Russian World” – Belarusians and “the West” – Poles). The sources of the paper are the publications of the National Archive of the Republic of Belarus, as well as the works of modern Belarusian, Russian, and Polish scholars. The theoretical basis of the research is formed by the works of Russian academic authors, who developed the theory of frontier applicable to the Eastern European cases. The contradictions between Polish jurisdiction that neglected the basic national rights of minorities (the paper demonstrates its manifestations in education, religious life, and policy pursued by the authorities against any nation-identifying non-Polish cultural activities) and natural pro-Russian orientation of the Belarusian population (especially of the Orthodoxy adherents) led not only to the ethnic conflict, but to the appearance of a stronger regional identity, which was not subjected to the direct persecution. The above-described processes resulted in the failure of II Polish Republic’s forced polonization programs. The importance of the phenomenon of substitution of national identity by a regional one was proved by latter historical events. The omission of this fact in both USSR’s and after-war Poland’s government strategies concerning the region complicated the integration of Western Belarus into the Soviet state (in the BSSR), extended the period of instability after the World War II (in the whole region), consolidated the profound and hidden unfriendliness between the neighboring Slavic nations – Poles and Belarusian (in the part of the region controlled by Poland).

Keywords: Belarus, Poland, identity, interethnic relations, frontier, culture dialogue

References

1. Kolosov V.A. Theoretical limology: New approaches. *Mezhdunarodnye Protsessy*, 2003, vol. 1, no. 3, pp. 44–59. (In Russian)
2. America’s Frontier Story. A Documentary History of Westward Expansion. Ridge M., Billington R.A. (Eds.). New York, Holt, Rinehart and Winston, 1969. 657 p.
3. Baeva L.V. The typology and problems of studying the Southern Russian frontier. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sotsiologiya i Sotsial’nye Tekhnologii*, 2014, no. 2, pp. 32–38. (In Russian)
4. Basalaeva I.P. Criteria for frontier: Statement of the problem. *Teoriya i Praktika Obshchestvennogo Razvitiya*, 2012, no. 2, pp. 46–49. (In Russian)
5. Zamyatina N.Yu. Exploration area (frontier) and its image in American and Russian cultures. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost’*, 1998, no. 5, pp. 75–89. (In Russian)
6. Zaets S.V., Kaczyński A. Poland’s view of relations with Russia. *Vestnik Evrazii*, 2008, no. 1, pp. 75–111. (In Russian)
7. Brubaker R. Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1996. 216 p. (In Russian)
8. Shirokorad A.B. Poland. Irreconcilable Neighborhood. Moscow, Veche, 2011. 448 p. (In Russian)

9. Tomaszewski J. Miedzy Polska etniczna a historyczna. Polska mysl polityczna XIX i XX wieku. *Kresy Wschodnie w polskiej myśli politycznej XIX i XX w.* Т. 6. Warszawa, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1988, pp. S. 101–150. (In Polish)
10. Postnikov N.D. Ethnocentrism as a historical imperative of Poland in the relations with eastern neighbors. *Vestnik Assotsiatsii Vuzov Turizma i Servisa*, 2009, no. 3, pp. 16–25. (In Russian)
11. Gushchin A.V. Poland and protection of national minorities under the international and domestic law of 1919–1934. *Cand. Hist. Sci. Diss.* Moscow, 2003. 187 p. (In Russian)
12. Vabishchevich A.N. Poland – Belarus (1921–1953). Minsk, Belarus. Navuka, 2012. 422 p. (In Russian)
13. Sokol'tsov D.M. Russian Teacher in Immigration. *Pol'sha* [Poland]. Prague, 1926, pp. 150–157. (In Russian)
14. Mikulenok A.A. The problem of Russian national school in Poland during the 1920s. *Teoriya i Praktika Obshchestvennogo Razvitiya*, 2015, no. 15, pp. 105–109. (In Russian)
15. Mikulenok A.A. Regulation of the legal status of Russian immigrants in Poland during the 1920s. *Istoricheskaya i Sotsial'no-Obrazovatel'naya Mysl'*, 2015, nos. 6–2, pp. 64–69. (In Russian)
16. Fedyukina E.V. Orthodox tradition in Poland: History and modern times. *Vestnik Slavyanskikh Kul'tur*, 2016, no. 2, pp. 79–93. (In Russian)
17. Petrov I.V. The history of interwar Polish parishes in the testimony of the Lithuanian Orthodox priest Eugene Nasekaylo. *Trudy Istoricheskogo Fakul'teta Sankt-Peterburgskogo Universiteta*, 2013, no. 14, pp. 189–202. (In Russian)
18. Nalench D., Nalench T. Józef Piłsudski. Legends and Facts. Moscow, Izd. Polit. Lit., 1990. 400 p. (In Russian)
19. Darkovich A.L. Municipal government in the western Belarusian lands of the interwar Poland: 1919–1939. *Cand. Hist. Sci. Diss.* Moscow, 2016. 310 p. (In Russian)
20. Mikulenok A.A. The status of Russian-speaking population in Kresy during the 1920s–1930s. *Obshchestvo: Filosofiya, Istoriya, Kul'tura*, 2015, no. 6, pp. 112–114. (In Russian)
21. Kim I.K. The “sanitation” authorities in the parliament elections of 1935 in Poland. *Slavyanovedenie*, 2011, no. 5, pp. 3–13. (In Russian)
22. Kaganskii V.L. Cultural Landscape and Soviet Residential Space. Moscow, Nov. Lit. Obozrenie, 2001. 576 p. (In Russian)
23. Sil'vanovich S.A. Polish population in the north-eastern (western Belarusian) lands of II Rzeczpospolita during the interwar period. *Gumanitarnye Nauchnye Issledovaniya*, 2014, no. 11. Available at: <http://human.snauka.ru/2014/11/8044>. (In Russian)

Для цитирования: Маркелов Н.А. Межэтнические отношения белорусов и поляков в условиях формирования новой государственной идентичности в 1921–1939 гг. // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 4. – С. 1019–1027.

For citation: Markelov N.A. Interethnic relations between Belarusians and Poles under the conditions of the new state identity development in 1921–1939. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 4, pp. 1019–1027. (In Russian)